
Очерк учений династии Цин*

ЛЯН ЦИ-ЧАО

Глава 22. [Цинская школа канонов современных знаков]

Основным объектом (*чжун синь*) школы канонов современных знаков (*цзин вэнь сюэ*) был “Комментарий Гунъяна” (“*Гунъян чжэуань*”). Слова учёных, высказывающихся о “Комментарии Гунъяна”, можно охарактеризовать как странные и необычные ([таков был] “Субкомментарий к Комментарию Гунъяна” Хэ Сю¹); со времён [династий] Вэй (220–265) и Цзинь (265–420) никто не осмеливался следовать этим путём. Нынешнее авторитетное издание канона (“*Ши сань цзин чжэу шу*”)², включает [субкомментарий] Хэ к *Гунъян чжэуани* и [субкомментарий], выполненный Сюй Янем в Танскую эпоху (618–907), однако не разъяснивший смыслов (*и*) работ Хэ [Сю]. “Комментарий Гунъяна” оказался забыт³ на две тысячи лет.

Цинские конфуцианцы всецело посвятили себя изучению древнего канона. Ученик Дай Чжэня⁴ (1724–1777) – Кун Гуан-сэнь (1753–1787) – написал труд “Проникновение в смыслы Гунъяна” (“*Гунъян тун и*”), но поскольку не разобрался в методе (*цзя фа*)⁵, не может считаться родоначальником школы канонов современных знаков.

Родоначальником Школы канонов современных знаков и великим просветителем стал Чжуан Цун-юй (1719–1788) из Уцзиня. Он написал “Истинный комментарий к *Чунь цю*” (“*Чунь цю чжэнь цы*”), отказавшись от традиции древних комментариев, сосредоточившись на том, что именуется “проникновенными речами и сокрытым смыслом” (*вэй янь да и*), чем отделил себя от школы Дуань [Юй-цая]. Его [учение] унаследовал уроженец того же уезда – Лю Фэн-лу (1776–1829)⁶, написавший “Разъяснение учения г-на Хэ [Сю] о каноне *Чунь цю* и Комментарий Гунъяна” (“*Чунь цю Гунъян цзин чжэуань Хэ-ши ши ли*”), в котором использовал удивительные и причудливые [для того времени] понятия господина Хэ, например: “развёртывание трёх веков” (*чжэан сань ши*)⁷, “преодоление трёх династий” (*тун сань тун*), “свержение Чжоу и воцарение Лу” (*чо Чжоу ван Лу*), “получение мандата Неба на изменение правления” (*шоу мин гай чжэи*); все эти истины он последовательно изложил. Его книга отвечала критериям научности (*юн кэ сюэ*), в ней применялся индуктивный метод (*зуй на*) в обобщениях и доказательствах⁸, в ней была последовательность [суждений] и категоричность [в выводах]; это самая ценная (*цзя чжэи*) из работ, созданных цинскими учёными.

* Перевод выполнен по изданию [Лян Ци-чао 1998, 77–83]. Названия глав добавлены редактором-составителем Чжу Вэй-чжэном и даны в квадратных скобках.

© Мартынов Д.Е. (перевод, примечания), 2015 г.

Внук Дуань Юй-цзя (1735–1815) – Гун Цзы-чжэнь (1792–1841) – получал наставления в канонведении от деда, но питал склонность к [учению] современных знаков; разъяснял учение [в духе] Чжуана и Лю. По характеру Цзы-чжэнь был угодлив и беспечен, поэтому не вдавался в мелкие подробности, чем весьма походил на француза Руссо. Он находил удовольствие в тончайших размышлениях, его слог (*вэнь цзи*) причудлив, хотя завораживает своим стилем; современники его не оценили, но сам Цзы-чжэнь только радовался этому. Он часто использовал идеи Гунъяна, чтобы критиковать современную ему политику и высмеивать самодержавие. На склоне лет увлёкся буддизмом и полюбил рассуждать о принципах и именах (*мин ли*)⁹. В общем, учению Цзы-чжэня недоставало глубины. Начав и сделав первый шаг [в рассуждении], он этим и ограничивался, но маскировался пленительными словами, делавшими его идеи малопонятными. Тем не менее, он раскрепостил мысль [учёных] позднего периода Цин, и в этом заключается заслуга Цзы-чжэня. Среди учёных эры Гуан-сюй (1875–1908), принадлежащих к школе “Новой науки”¹⁰ в своё время, вероятно, не было ни одного, кто бы не прошёл через поклонение господину Гуну. Первое прочтение “Собрания произведений Дин-аня” (“*Дин-ань вэнь цзи*”)¹¹ подобно удару электрическим током, но потом наступает пресыщение его банальностью. Однако школа современных знаков ведёт начало именно от него – господина Гуна. Ся Цзэн-ю (1863–1924) посвятил Лян Ци-чао стихотворение, гласящее:

Гун и Лю – оба росли под Чжуаном,
Нить тонка, а путь – тёмна.
Ведёт – к [Дун] Чжун-шу¹².

Эти слова чрезвычайно ясно указывают на истоки школы канонов в современных знаках. Если сравнивать [представителей этой школы] с ортодоксами (*чжэн тун пай*), то Чжуан может сравниваться с Гу [Янь-у], а Гун и Лю – с Янь [Жо-цюем] и Ху [Вэем]¹³.

В начале существования школы канонов современных знаков, [её представители] занимались только “*Гунъян чжуанью*”, не касаясь канонов, однако оказалось, что уже в Ханьскую эпоху существовали коренные расхождения между учителями школ древних и современных знаков, и знания [учений] Цзя [Куя] (174–228) и Ма [Жуна] (79–166), Сюй [Шэня] (58–147) и Чжэн Сюаня (127–200), недостаточно, чтобы исчерпать всё Ханьское учение (*хань сюэ*).

В то время наивысшего расцвета достигла филологическая школа, восстанавливавшая утраченные тексты (*цзи юй чжи сюэ*); чтобы найти одно слово или утраченную фразу, не щадили ни сил, ни времени; таким образом, комментаторов, принадлежавших к школе современных знаков, постепенно становилось всё больше. Это были:

Фэн Дэн-фу (1783–1841), [написавший] «Исчерпывающий комментарий относительно разнописей [ханьских] версий “Канона поэзии”» (“*Сань цзя ши и вэнь шу чжэн*”);

Чэнь Шоу-ци (1771–1834), [написавший] «Исследование утраченных разнописей [ханьских] версий “Канона поэзии”» (“*Сань цзя ши и шо као*”);

Чэнь Цяо-цзун, [написавший] “Исследование “Канона истории” в версии современных знаков” (“*Цзинь вэнь Шан шу цзин шо као*”), «Исследование утраченного “Канона истории” в версии Оуян Сяхоу» (“*Шан шу Оуян Сяхоу и шо као*”), «Исследование утраченных разнописей [ханьских] версий “Канона поэзии”» (“*Сань цзя ши и шо као*”)¹⁴ и “Аргументированный комментарий к учению господина И о Циских одах” (“*Ци ши И ши сюэ шу чжэн*”);

Цзо Хэ-шоу, [написавший] “Учение г-на И о Циских одах” (“*Ци ши И ши сюэ*”).

Все они, однако, рассматривали только сходства и различия [текстов в версиях древних и современных знаков], не ставя под сомнение их подлинность.

В конце эры Дао-гуан (1820–1850) Вэй Юань (1794–1857) написал трактат «Сокровенные [смыслы] “Канона поэзии” в версии древних знаков» (“*Ши гу вэй*”), и это стало началом большого наступления на «Комментарий Мао [Хэна на “Канон поэзии”]» (“*Мао чжуань*”) и “Предисловие к Большим и Малым [одам]” (“*Да сяо сюй*”): он заявил, что это были позднейшие фальсификации. Он также заявил, что «Аргументированные

комментарии к “Шу-цзиню”» («*Шу шу чжэнь*») господина Гэ есть наилучшие из имеющихся в наше время. Он также говорил, что “Канон поэзии” не предназначался для восхвалений или порицаний, и заявил: “Восхваления и порицания присутствуют во всём тексте “Канона поэзии” в версии Мао <...> но поэт описывает свои чувства и не более того <...> Неужели люди радуются и веселятся только потому, что не испытывают страданий?” («Сокровенные [смыслы] “Канона поэзии” в версии древних знаков», раздел “Основные различия между версиями Од Ци, Лу и Хань в передаче Мао”). Это чрезвычайно напоминает идею “искусства ради искусства” (*вэй вэнь и эр цзо вэнь и*)¹⁵ и разбивает оковы, которые связывали литераторов и мыслителей последние две тысячи лет. Он также писал о тождестве поэзии и музыки: “В древности музыка воплощала поэзию, Конфуций, исправляя (*чжэнь*) [Канон] поэзии, исправил и музыку” (“Рассуждение об исправлении музыки Конфуцием”, “*Фу-цзы чжэнь лэ лунь*”). Он был способен предлагать новые идеи, вдохнув тем самым новую жизнь в древние книги.

[Вэй] Юань также написал «Сокровенные [смыслы] “Канона истории” в версии древних знаков» («*Шу гу вэй*»), в которой заявил, что “Канон истории в версии древних знаков” (“*Гу вэнь шу цзин*”) появился не ранее периода Восточной Цзинь (317–420), следовательно, был сфальсифицирован (это был выпад в сторону господина Яня). Восточноханьские Ма [Жун] и Чжэн [Сюань], рассуждая о древних письменах, не основывались на комментариях западноханьского Кун Ань-го (ок. 154 г. до н.э.).

Одновременно [с Вэй Юанем], Шао И-чэнь (1810–1861) написал «Общий комментарий к “Канону церемоний”» (“*Ли цзи тун лунь*”), где говорилось, что канон “Этикетный ритуал” (“*И ли*”) в полном виде включал 17 глав, а 39 глав так называемого “Апокрифического ритуала”, написанного древними знаками (“*Гу вэнь и ли*”), подделаны Лю Синем (46 г. до н.э. – 23 г. н.э.).

Ранее Лю Фэн-лу написал «Критические изыскания к комментарию господина Цзо на летопись “Чунь цю”» (“*Цзо ши чунь цю као чжэнь*”), где утверждал, что первоначально этот текст именовался “Вёсны и осени господина Цзо” (“*Цзо ши чунь цю*”), а не «Комментарий господина Цзо на летопись “Чунь цю”» (“*Чунь цю Цзо ши чжуань*”) и был подобен однородным сочинениям “*Янь-цзы чунь цю*” и “*Люй-ши чунь цю*”, которые построены хронологически, не являясь комментариями к тексту канона. Все комментирующие фрагменты были интерполированы Лю Синем, который даже фальсифицировал заглавие – “*Цзо-ши чжуань*”.

После выхода в свет книги Лю [Фэн-лу], остро встала проблема подлинности или подложности текста “*Цзо-чжуань*”. Когда вышла книга Вэй [Юаня], перед учёными встал вопрос о подложности текста “*Мао ши*”. Когда же вышла книга Шао [И-чэня], возник вопрос о подлинности текста “*И ли*”. Вопрос же подлинности текста “Чжоуских установленных ритуала” (“*Чжоу ли*”) существовал ещё со времён Сунской династии (960–1279).

Первоначально каждый [из учёных] брал отдельную книгу для исследования, разрабатывая свою часть истины; со временем исследования стали систематическими, и когда [изучаемые] книги составили единое целое, оказалось, что все они появились в конце [правления династии] Западная Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.), и этот процесс не может быть прослежен до конца. [Оказалось также], что Лю Синь возглавил движение за придание [этим текстам] канонического статуса. В сущности говоря, все каноны были записаны древними знаками и тем самым тесно взаимосвязаны, следовательно, если один из них признан фальшивкой, то это значит, что были фальсифицированы все. Таким-то образом возродился вопрос о текстах древних и современных знаков, впервые со времён обеих Ханьских династий. Вторично на всеобщее обсуждение его вынес Кан Ю-вэй.

Возрождённая Школа канонов современных знаков нуждалась в сильных защитниках. Во времена Вэй [Юаня] и Гун [Цзы-чжэня] цинская государственность постепенно разрушалась и сравнивалась с землёй, а страну захлестнуло тяжёлое опьянение (*чэнь хань*) Тайпинской [революцией] (1848–1864); их поколение уже не могло справиться со своими страхами и смятением, но [Вэй и Гун] постоянно встречались, указывали на Небо и чертили по земле (*чжи тянь хуа ди*), обсуждая грандиозные планы [переустройства] Поднебесной. Историко-филологические изыскания и атрибуция учений (*као чжэнь чжи*

сюэ) не были их “коньком” (*со хао*), но поскольку масса учёных упражнялась в этих занятиях и все могли делать одно и то же, то и они использовали эти методы, чтобы изменить систему государственного управления. Поэтому, хотя они и занимались каноноведением (*цзин сюэ*), но дух их [занятий] отличался от учёных ортодоксальной школы, которые занимались каноноведением ради него самого.

И [Гун] Цзы-чжэнь и [Вэй] Юань любили рассуждать о делах государственного управления (*цзин цзи*)¹⁶ и много внимания уделяли приграничным делам. Цзы-чжэнь опубликовал “Рассуждение об учреждении в Западном крае отдельной провинции” (“*Си-юй чжи син шэн и*”), которое было реализовано в правление императора Гуан-суй. Ныне существует [провинция] Синьцзян¹⁷. Также он составил “Картографированное описание Монголии” (“*Мэн-гу ту чжи*”), где описал администрацию и обычаи монголов, сопроводив это собственными рассуждениями (не опубликовано)¹⁸.

[Вэй] Юань создал “[Новую редакцию] истории династии Юань” (“*Юань ши*”) и “Картографированное описание [за]морских стран” (“*Хай го ту чжи*”)¹⁹. [Вэй] Юань фактически стал пионером (*сянь цюй*) в изучении географии зарубежных стран.

Последующие учёные, принадлежавшие к школе канонов современных знаков, стали использовать каноноведческую терминологию в рассуждениях о делах правления, это тоже было наследием [Гун] Цзы-чжэя и [Вэй] Юаня.

Глава 23. [Кан Ю-вэй – глава школы канонов современных знаков]

Главой учения²⁰ канонов современных знаков (*цзинь вэнь юньдун чжи чжунсинь*) был Кан Ю-вэй из Наньхая, который, однако, не был его основателем (*чуанцзо*), а [только] систематизатором (*цзичэн*). В молодости он чрезвычайно увлёкся “Чжоускими установлениями ритуала” (“*Чжоу ли*”) и попытался создать труд “Проникновение в суть учения об управлении” (“*Чжэн сюэ тун и*”). Позднее, ознакомившись с трудами Ляо Пина (1852–1932)²¹, отбросил прежние суждения.

[Ляо] Пин был учеником Ван Кунь-юня (1833–1916). Кунь-юнь в то время изучал “*Гунъян [чжуань]*”, хотя его известность основывалась лишь на превосходной эрудиции и ныне он позабыт²². Труд Вана “Изъяснение *Гунъян [чжуань]*” (“*Гунъян цзянь*”) сильно уступал [даже трудам] Кун Гуан-сэня (1752–1786)²³. [Ляо] Пин воспринял его учение, написал “Собрание канонических учений из залы Четырёх приумножений” (“*Си и гуань цзинсюэ цуншу*”), содержащее более 10 частей (*чжун*), в котором отстаивал учение школы современных знаков, что вполне очевидно. Позднее на него оказал давление и подкупил Чжан Чжи-дун (1837–1909)²⁴, и Ляо написал книгу, в которой опровергал сам себя. Хотя этот человек и не заслуживает внимания, его идеи повлияли на становление [Кан] Ю-вэя и об этом нельзя умалчивать²⁵.

Самая ранняя [опубликованная] книга [Кан] Ю-вэя называлась “Исследование подложных канонов Синьского учения” (“*Синь сюэ вэй цзин као*”). “Подложными канонами” он называл “*Чжоу ли*”, “*И ли*”, “*Цзо-чжуань*” и “*Ши-[цзин]*” в версии Мао [Шэня]²⁶, – работы, за “восстановление” которых Лю [Синь] был удостоен звания *боши*²⁷ в конце правления Западной Хань. Эти труды Синьским [Ван] Маном²⁸ были [введены для обязательного] изучения и стали именоваться “Синьским учением”. Цинские конфуцианцы, восхвалявшие учение Сюй [Шэня] (ок. 58–147)²⁹ и Чжэн [Сюаня] (127–200), сами себя называли последователями “Ханьского учения” (*хань сюэ*). В связи с этим, Ю-вэй полагал, что учение [нелегитимной] династии Синь (8–23 гг.) не является [частью] учений династии Хань, и изменил заглавие [книги].

Основные положения “*Синь сюэ вэй цзин као*”:

1. Каноноведение Западной Хань никогда не пользовалось понятием “старые письмена” (*гу вэнь*), а все [тексты], написанные старыми письменами, были подделаны Лю Синем.

2. Цинское сожжение [канонических] книг (*фэнь шу*)³⁰ не коснулось Шестиканония (*лю цзин*), и оно было передано четырнадцатью эрудитами Ханьской эпохи в виде цельных

текстов конфуцианской школе; эти тексты не содержали разночтений или пропусков (*цань цюэ*).

3. Иероглифы, употребляемые во времена Конфуция, были тем же самым “уставом” (*чжуань шу*), что использовался при Цинь и Хань, и следовательно, не было разрыва [преemptивности] между канонами древних и современных знаков.

4. Лю Синь, желая замести следы своей подделки, внёс поправки и перепутал состав древних текстов, пока занимал пост секретаря внутренних покоев.

5. Причиной фальсификации канона для Лю Синя было [желание] помочь Ван Ману в узурпации Ханьского [престола], с кем он сговорился и был возвышен, дабы исказить³¹ истинные принципы Конфуция, великий смысл которых [был сокрыт] в тёмных словах (*вэй янь да и*).

Покамест не будем рассуждать, являются ли данные мнения [полностью] истинными; важно то, что эти суждения породили два последствия: во-первых, поколебали основания Цинской ортодоксии (*Цин сюэ чжэн*); во-вторых, [оказалось, что] все древние каноны нуждались в новом рассмотрении и осмыслении. Таков был “ураган”, [пронесшийся над учёным миром Китая].

Учениками Ю-вэй были Чэнь Цянь-цю (1871–1895)³² и Лян Ци-чао (1873–1929). [Прежде они придерживались учения] “эмпирической школы” (*као чжэн сюэ*); Чэнь был особенно одарённым и утончённым. Услышав об учении [Кан] Ю-вэй, они оставили свои занятия и стали учиться у него. [Его] книга “[Синь сюэ] вэй [цзин као]” была создана при значительном участии этих двоих. Хотя они и страдали от догматизма учителя, но не могли повлиять на него. Эта книга, однако, точна и правильна во всех её частях; критиковали её по сущим мелочам. Касаемо доводов [Кан Ю-вэй в пользу того], что Лю Синь тайно включил несколько десятков вставок в “Исторические записки” (“*Ши цзи*”) и “Чуские строфы” (“*Чу цы*”)³³ и что он тайно изготовил и зарыл колокола, треножники и прочую ритуальную бронзу, что были потом обнаружены археологами, введя в заблуждение потомков, – всё это, конечно, совершенно ошибочно, но он упрямо придерживался этих [идей]. Существенные пункты учения Ю-вэй не нуждаются в обсуждениях и проверках, чтобы стать общепризнанными, но в стремлении проявить себя эрудитом он заходил столь далеко, что совершенно подавлял и искажал истину, ревнуя к другим. Таков был его недостаток.

Как человек Ю-вэй был предвзято [настроен в отношении] мириад вещей. Его самоуверенность была необычайна, а упрямство достигало наивысшей степени. Что касается объективных фактов, он или полностью игнорировал их, или упрямо приспособливал к собственным представлениям. Он поступал так и в общественной карьере, и в науке. Из-за этого он оказался в состоянии основать собственную школу и на какое-то время стать известным³⁴, но по этой же самой причине он был не способен создать твёрдую и прочную основу [для собственной деятельности]. По прочтении “Исследования подложных канонов Синьского учения” это сразу же видно. Только выйдя в свет, эта работа вызвала опасение Цинского двора; печатные блоки её были уничтожены, она стала библиографической редкостью. Впоследствии Цуй Ши (1851–1924) написал «Изыскание истоков “Исторических записок»» (“*Ши цзи тань юань*”) и “Реконструкцию изначального [текста] Чунь цю” (“*Чунь цю фу ши*”). Эти две книги расширили суждения [Кан] Ю-вэй, уточнили и развили их. Ныне [Цуй Ши] стал видным деятелем³⁵ школы современных знаков³⁶.

Второй труд [Кан] Ю-вэй назывался “Исследование [учения] Конфуция об изменении правления” (“*Кун-цзы гай чжи као*”). Третьим его трудом была “Книга о Великом единении” (“*Да тун шу*”). Если его “Исследование подложных классиков Синьского учения” сравнимо с тайфуном, эти две работы сравнимы с вулканическим извержением и мощным землетрясением. Ю-вэй занялся “*Гунъян чжуанью*”, посвятив этому всего себя. Основную идею и литературную форму (*и ли*) [он полагал] мелочами, искал проникновенные слова и сокрытый смысл (*вэй янь да и*) в необычных и удивительных иносказаниях Хэ Сю. Он заявил, что [летопись] “*Чунь цю*” написана Конфуцием [для описания] изменения правления; иероглифы (*вэнь цзы*) являются символами (*фу хао*), подобно телеграфным шифрам³⁷ или музыкальным нотам, которые соответствуют звукам. Они не могут быть поняты без

предварительного наставления. Более того, [он заявил, что] не только “*Чунь цю*”, но и всё Шестиканоние³⁸ было создано Конфуцием; люди древности ошибочно заявляли, что Конфуций убрал оттуда лишнее (*шань шу*). [Он верил, что] главной целью Конфуция было установить универсальный принцип, согласно которому в древности повышали и понижали в должности, [это же позволяет] придерживаться или отвергать древние тексты. Он также [пытался оправдывать идею] изменения правления (*гай чжи*), опираясь на древность Яо (2357–2256 гг. до н.э.), Шуня (2255–2206 гг. до н.э.)³⁹ и Конфуция. Мы не знаем, существовали ли они в действительности и были ли они людьми. Вполне вероятно, что они были одним и тем же человеком, наделённым огромными достоинствами и совершившим величайшие деяния (*да е*). Это и стало идеалом как конфуцианской мысли, так и для философов Чжоу (1122?–256 гг. до н.э.) и Цинь (255–207 гг. до н.э.) обосновывающих изменение правления, ссылаясь на древность. Лао-цзы⁴⁰ ссылаясь на Жёлтого императора⁴¹; Мо-цзы⁴² – на Юя Великого⁴³; Сюй Син⁴⁴ – на Шэнь-нуна⁴⁵.

Много позже учёные, обратившиеся к [субкомментарии] Хэ Сю в целях изучения “*Гунъян чжунани*” – Лю Фэн-лу (1776–1829)⁴⁶, Гун Цзы-чжэнь (1792–1841) и относящиеся к поколению Чэнь Ли (1809–1869) – все рассуждали об изменении правления. Однако то, что говорил [Кан] Ю-вэй, резко отличалось. То, что он называл “изменением правления”, было своего рода политической теорией, [трактующей] о глубокой перестройке всего общества. В этой связи он очень любил говорить о “движении через Три периода к Единению”. Под “Тремя периодами” подразумевались три династии – Ся (2205–1766 гг. до н.э.), Шан (1766–1122 гг. до н.э.) и Чжоу (1122–256 гг. до н.э.), сильно отличавшиеся друг от друга [своими установлениями]; следовательно, реформы были необходимы именно потому, что время не стоит на месте. Он также любил рассуждать о “смене Трёх эпох”, а “Тремя эпохами” были: “Эпоха Хаоса” (*Луань ши*), “Эпоха Становящегося равновесия” (*Шэнь тин ши*) и “Эпоха Великого Спокойствия” (*Тай тин ши*). Ю-вэй ратовал за радикальную реформу (*Бянь фа вэй синь*), и корень-основа её была именно в этой идее. Он также заявил, что Конфуциев [опыт] изменения правления охватывал сотни поколений перед ним и сотни, которые будут после, и потому его должно почитать как основателя религии (*цзяо чжу*). Он ошибочно считал, что христианство (*цзян цзяо*)⁴⁷ в Европе является основанием управления и государственной мощи и постоянно пытался сравнивать (*чай*)⁴⁸ Конфуция с Христом, для чего использовал множество апокрифов (*чэнь вэй*). Конфуций, каким он предстал пред мысленным взором Ю-вэя, был весьма таинственным (*шэнь ми син*).

Таково содержание “Исследование [учения] Конфуция об изменении правления”. То, что оказало воздействие на мысль современников, можно выразить в следующих словах:

1. Кан Ю-вэй⁴⁹ учил людей, занимающихся древними книгами, что не надо заниматься пофразовым комментированием или лексикографией, а следует вычленять общие принципы и изучать законы и идеи древних. Таким образом, ханское учение и сунское неоконфуцианство (*сун сюэ*) следует отбросить, а учёным надлежит изучать современное положение вещей на Земле и за границей.

2. Кан Ю-вэй считал Конфуция великим потому, что он учредил новую школу мысли⁵⁰ ([или, что то же самое], – основал религию⁵¹) и переменял творческий дух людей.

3. Начиная с “*Вэй цзин као*” Кан Ю-вэй признавал большую часть классических канонов подделками Лю Синя, а в “*Гай чжи као*” пошёл ещё далее, заявив, что основная часть канона была создана Конфуцием, утверждавшим о ещё большей их древности; таким образом, канон, тысячелетиями считавшийся священным и неприкосновенным, ныне должен быть пересмотрен до самых основ. Это побудит учёных к критическому и скептическому отношению.

4. Хотя [Кан Ю-вэй] изо всех сил восхвалял Конфуция, он же и заявил, что Конфуций основал новую школу мысли с теми же целями и намерениями, что и прочие философы древности, создавшие свои учения. Таким образом, он поставил Конфуция в один ряд с прочими мыслителями, создав прецедент для так называемого “деления единого [корпуса] классики на чёрное и белое” (*бе хэй бай дин и цзунь*), и так возглавил [движение] учёных, занятых сравнительным изучением [учений древности].

Две вышеназванные книги⁵², показывают, что Ю-вэй заново упорядочил (чжэнь ли) учения древности (цзю сюэ); однако его новаторской книгой была “Книга о Великом единении”. Когда Кан Ю-вэй завершил обучение у Чжу Цы-ци, он два года прожил на горе Сицяо [в пещере Белых облаков], и предаваясь глубоким размышлениям, исчерпывающим образом постиг [Дао-путь] Неба и человека. Он пожелал создать собственную школу, [учение которой было бы] направлено на практику управления государством. Ю-вэй сделал смысловой комментарий к “Действенности ритуала” (“Ли юнь”) в терминологии “Трёх эр”, [идея которых была заимствована им] из “Чунь цю”, и утверждал, что “Эра становящегося равновесия” (Шэнь тин ши) является “Малым умиротворением” (Сяо кан), а “Эра Великого Спокойствия” (Тай тин ши) является Великим Единением (Да тун). В “Ли юнь” об этом говорится так:

“Когда действовало Великое Дао, Поднебесная была общим достоянием. Избирали добродетельных и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Тогда родными были не только [кровные] родственники, а детьми – не только [родные] дети, старцы имели место упокоения, зрелые люди – имели применение, дети имели возможность расти, бобыли, вдовы, сироты, одинокие, калеки и больные – все они имели содержание; мужчины имели свои надель, женщины – прибежище. Нетерпимым было бросать добро, но и не должно было таить его для себя <...> Это можно именовать Великим Единением”⁵³.

В этом отрывке, если комментировать его современным языком, речь идёт о демократии⁵⁴ (“избирали добродетельных и способных”); о доктрине международной интеграции⁵⁵ (“учили верности, совершенствовались в дружелюбии”); учении об общественном воспитании детей⁵⁶ (“тогда родными были <...> не только [родные] дети”); учении о государственном здравоохранении и пенсионном обеспечении⁵⁷ (“бобыли, вдовы, сироты, одинокие, калеки и больные – все они имели содержание”); коммунизме⁵⁸ (“нетерпимым было бросать добро, но и не должно было таить его для себя”) и учении святости общественного труда⁵⁹ (“нетерпимым было не давать силам выхода, но и не должно было [работать только] на себя”).

[Кан] Ю-вэй утверждал, что это и есть общественный строй, над которым размышлял Конфуций. Это и есть “Эра Великого Спокойствия”, о которой говорится в “Чунь цю”. Он развил эти идеи в книге, содержание которой может быть сведено к следующему:

1. Нет государств (гоцзя), весь мир управляется единым правительством (и цзун чжэнь фу), но разделён на несколько регионов (цюйюй).

2. И мировое, и региональные правительства избираются всенародно (минь сюань).

3. Нет семей и кланов (цзя цзю); и мужчинам и женщинам запрещено сожительствовать больше года; по истечении этого срока они должны сменить партнёра.

4. Беременные женщины помещаются в учреждения дородового воспитания (тайцзю юань)⁶⁰; дети после рождения отдаются на воспитание в общественные ясли (юйин юань).

5. Дети соответствующего возраста должны посещать детские сады и школы (мэй ян юань)⁶¹ всех ступеней.

6. После достижения совершеннолетия они распределяются правительством для исполнения различных работ в сельском хозяйстве, промышленности и прочих.

7. Больные содержатся в лечебницах (янбин юань), пенсионеры – в домах призрения (янлао юань).

8. Для дородового воспитания и воспитания малолетних, ухода за больными и престарелыми предназначены специально оборудованные учреждения, ибо те, кто пользуется услугами этих учреждений, должны полностью наслаждаться радостью (сян лэ).

9. Совершеннолетние мужчины и женщины должны отслужить в учреждениях, куда их распределили, положенное число лет, как в настоящее время служат в армии.

10. Учреждаются общественные спальни (гунгун суиэ)⁶² и столовые (гунгун шитан), всякий волен пользоваться их услугами сообразно роду занятий.

11. Для ленивых устанавливаются различные степени наказания.

12. Учёные, открывшие нечто новое, а также те, кто в пяти видах учреждений (у юань)⁶³, особенно родового воспитания, совершают трудовые подвиги, удостоиваются особых наград.

13. Усопших сжигают, рядом с крематориями располагаются фабрики удобрений.

Таково, вкратце, содержание “Книги о Великом Единении”. Общий её объём около ста тысяч знаков⁶⁴, во всех подробностях обсуждающих корни человеческого страдания и счастья, критерии добра и зла, учреждение новых законов. Решающим фактором [для создания нового общества] является уничтожение семьи и клана. Ю-вэй сказал: “буддист оставляет свою семью, желая разорвать круг страдания, так не лучше ли вовсе не иметь семьи? Частная собственность является источником всех бед и разногласий, но зачем же собственность тому, у кого нет семьи?”. Что же касается [национальных] государств, то их ожидает участь семьи и они отомрут. Ю-вэй полагал это конечными целями человеческого существования, но кто ответит, как же их достичь? Также он не дал ответа, насколько согласуется его первичная цель – предельный срок сожителства мужчины и женщины – с человеческой природой. Тем не менее, во времена, когда Ю-вэй писал эту книгу, ему было не на что опереться и неоткуда было заимствовать [идеи]. Ныне, спустя тридцать лет, его идеалы называют “космополитизмом” (*шицзечжун*), они соотносятся с социализмом (*шэхуйчжун*), но в [следовании] высшем принципе (*чэньи*) превосходят их все. О да, его можно назвать выдающейся личностью (*цинъцзе чжи ши*)!

Окончив труд, Ю-вэй тайлся, не показывал [рукописей] людям и не наставлял в своих идеалах студентов, убеждённый в том, что наша современность есть эпоха Хаоса и упадка (*Цзюй луань*), в которую только и можно, что говорить об зре *Сяо кан*. Говорить о Великом единении не следует вовсе, ибо это может навлечь на Поднебесную великий потоп и хищных зверей (*хун шуй мэн шоу*). Сразу, как только книга была написана, ученики – Чэнь Цянь-цю и Лян Ци-чао – удостоились великой радости читать рукопись и упрасивали [учителя] представить⁶⁵ хотя бы часть её широкой публике. Ю-вэй этого не одобрил, но и не стал запрещать им, и вскорости студенты [академии] “Соломенной хижины среди мириад деревьев” (*Вань му цао тан*) все рассуждали о Великом Единении. Тем не менее, от начала [своего учительства] и до конца [жизни] Ю-вэй говорил, что спасти нынешнее поколение можно, только приведя его к состоянию *Сяо кан*. Относительно вопросов политики и управления, этики и общественной морали он не высказывался, а главной целью считал сохранение старых порядков⁶⁶. Это кажется странным, что создав [идеал] мира будущего, зная сам, как он прекрасен, он не желал реализовать идеал на практике и даже тратил множество сил, дабы воспрепятствовать желавшим сделать это. [Причина в том, что Ю-вэй] полагал род человеческий несовершенным, главными его природными задатками – исключительную лживость и хитрость, пределов которых никто не знает.

Сразу после [окончания] японо-китайской войны (1894–1895) Ю-вэй возглавил несколько тысяч молодых кандидатов на учёные степени⁶⁷, чтобы представить меморандум относительно текущих дел, известный как “Меморандум, представленный провинциальными кандидатами” (“*Гун цзюй шан шу*”). С этого времени началось массовое политическое движение в Китае.

После того как Кан Ю-вэй вздумал осуществить на практике свою политическую доктрину, [он вынужден был искать покровительства сановников], но те отказывались использовать его; не реализовав планов, он отправился в изгнание. Молодому поколению не нравилась его манера обращения, что часто приводило к клевете. Ю-вэй в своей самонадеянности частично пренебрегал молодыми людьми и относился к ним с высокомерием, которое только возрастало. Ныне он уже стар и удалился от мира. В нашей стране живёт сейчас единственный крупный идеолог (*сысянцзя*), но соотечественники не желают к нему прислушиваться, что поистине достойно сожаления.

Я упрасивал его опубликовать “Книгу о Великом единении”, но он долго запрещал. В результате она была напечатана в [журнале] “*Бу жэнь цзачжи*” [в 1913 г.]; однако свет увидела только часть рукописи, когда журнал перестал издаваться и более не был возобновлён.

Примечания

¹ Китайский философ эпохи Хань, годы жизни 129–182. Является создателем методики исследования древнего канона, основанной на расшифровке архитектоники текста, образов и лексики. Создатель теории Трёх эр, творчески переработанной Кан Ю-вэем. Дал также подробное описание общества, якобы существовавшего в Китае в далёкой древности.

² Составлено в 1816 г. Жуань Юанем (1764–1849), и регулярно переиздаётся до сих пор.

³ Дословно *цзюэ сюэ* – “наука/искусство, потерявшее традицию”.

⁴ Главным составителем “Полного собрания книг по четырём разделам”. Как философ стремился к гармонизации самых общих понятийных оппозиций как отражению универсальной и гармоничной целостности мира. Это предопределило его малую популярность в эпоху господства традиционных представлений и огромный интерес к нему в XX в., ибо его мировоззрение стало созвучным scientистским устремлениям новой китайской интеллигенции.

⁵ Дословно “профессиональные секреты, которые мастер передаёт ученику”.

⁶ Внук и ученик Чжуан Цун-юя.

⁷ Периодизация эпохи Вёсен и Осеней на три века: век, изученный по преданиям (первые пять царствований = 96 лет); век, поведанный очевидцами (четыре царствования = 85 лет); век, очевидцем которого был сам Конфуций (три царствования = 61 год).

⁸ Дословно *цзю фа* – “расследовать [преступление] и предавать [виновного] суду”.

⁹ Концепция древнекитайской школы *мин цзя* – “номиналистов” или “логистов”.

¹⁰ Термин *синь сюэ* означает “западную науку”, противопоставляемую традиционной китайской.

¹¹ Дин-ань – литературный псевдоним Гун Цзы-чжэня.

¹² Стихотворение написано в “тёмной” манере с использованием вторых имён и прозвищ всех перечисленных мыслителей и малопонятно на языке оригинала без комментария. В переводе мы следуем толкованию Сюй Чжун-юэ, представленном в его переводе на английский язык.

¹³ Мыслители “эмпирической школы”, жившие в XVII в., активные участники антиманьчжурского сопротивления.

¹⁴ Чжу Вэй-чжэн указывает, что это была не одна, а три книги.

¹⁵ Дословный перевод английского “Art for art's sake”.

¹⁶ В современном языке данный термин обозначает экономику.

¹⁷ Учреждена в 1884 г.

¹⁸ Авторская ремарка. О публикации этой рукописи нам также ничего не известно.

¹⁹ Первое издание этого трактата вышло в 1848 г. и произвело революцию в представлении о мире и в Китае, и в Японии. В трактате кратко сообщалось о странах Европы, впервые была на китайском языке описана Великая Французская революция и т.д. Книга стала объектом вдохновения и источником сведений о западных странах для реформаторов Китая и Японии.

²⁰ Дословно “движения”.

²¹ Конфуцианский учёный родом из Сычуани, происходил из семьи небогатого частоторговца. Сумел получить образование в зрелом возрасте благодаря основанному Чжан Чжи-дуном школьному управлению в Сычуани. Основные труды опубликованы в 1880-е гг., впоследствии неоднократно обвинял Кан Ю-вэя в плагиате. С этим согласился в своей книге 1937 г. “История китайской мысли в последние 300 лет” известный историк китайской философии Цянь Му.

²² Это утверждение справедливо и для наших дней.

²³ Потомок Конфуция в 70-м поколении. Ученик Дай Чжэня, также получил известность как математик.

²⁴ Известный политический деятель Цинской династии, в 1863 г. удостоился высшей учёной степени, с 1880 г. – член Академии Ханьлинь (сочетающей функции императорской канцелярии, официальной историографической комиссии, цензуры и литературной академии). В 1881–1901 гг. губернатор разных провинций, с 1901 г. – префект Нанкина, основатель тамошнего университета. Один из основоположников модернизации Китая, последовательно придерживавшийся консервативных взглядов. Свои воззрения обосновал в трактате “Призыв к учению” (“*Цянь сюэ пянь*”, 1898 г.), немедленно переведённом на английский язык. В 1900 г. участвовал в подавлении восстания Тан Цай-чана – ученика Кан Ю-вэя.

²⁵ В современном Китае принято считать, что Ляо Пин и Кан Ю-вэй разработали свои доктрины одновременно, но независимо друг от друга.

²⁶ “*Чжоу ли*”, “*И ли*” – древние каноны, в которых описывается ритуал. “*Цзо-чжуань*” – древний исторический текст, погодная хроника, параллельная конфуцианской летописи “*Чунь цю*”, традиционно считается ее комментарием. “*Ши-цзин*” – “Канон поэзии”, древнейший из канонов,

редактированный ещё Конфуцием. После сожжения конфуцианской классики в 213 г. до н.э. был передан изустно эрудитами, и восстановлен и отредактирован Мао Шэном во II в. до н.э.

²⁷ Звание придворного конфуцианского эрудита при династии Хань. В современном китайском языке – обозначение высшей учёной степени.

²⁸ Регент при четырёх императорах династии Хань, в 9–23 гг. правил самостоятельно, провозгласив династию Синь (“Новую”), единственный её представитель. Проводил серию этатистских реформ (официально стремясь восстановить древнейшую “колодезную систему” земледельцев), приведших к ряду серьёзных восстаний. С 25 г. была восстановлена власть династии Хань, а Ван Ман в официальной историографии стал считаться узурпатором.

²⁹ Филолог эпохи Хань, автор первого словаря иероглифов “Изъяснение знаков” (“*Шо вэнь цзе цзы*”), составленного и упорядоченного по ключам, включавшего 9353 знака, распределённых по 540 ключам. Эта система существовала до XVIII в. Автор сводного комментария к Пяти канонам, частично утраченного в эпоху Тан, и восстановленного в начале XIX в.

³⁰ Имеются в виду события 213 г. до н.э., когда император-объединитель Цинь Ши-хуанди распорядился уничтожить как канонические книги конфуцианства, так и носителей их учения, закопав живьём около 460 человек.

³¹ Дословно “сбить с правильного пути” (*инь лунань*).

³² Служил в собственной школе Кан Ю-взя старостой над учениками. Скончался от туберкулёза.

³³ Вторая по времени составления антология китайской поэзии IV–III вв. до н.э., произведения, входящие в неё, приписывались Цюй Юаню и Сун Юю – зачинателям авторской поэзии в Китае.

³⁴ Дословно “возвыситься” (*ци*).

³⁵ Дословно “сильным резервом” (*хоу цзин*).

³⁶ Цуй Ши преподавал в Пекинском университете, его взгляды сильно повлияли на первоначальное становление историка Гу Цзе-гана (1893–1980).

³⁷ Китайский телеграфный шифр XIX – первой половины XX в. был чрезмерно сложен: каждый иероглиф стандартного телеграфного каталога шифровался четырёхбуквенным кодом, который передавался цифрами.

³⁸ Один из наборов конфуцианских классических текстов: дошедшие до наших дней “*И-цзин*”, “*Шу-цзин*”, “*Ши-цзин*”, “*Ли-цзи*” и “*Чунь цю*”, а также утраченный в древности “Канон музыки” (“*Юэ цзи*”).

³⁹ Яо и Шунь – культурные герои, четвертый и пятый из легендарных пяти правителей первоначальной древности. Шунь не был кровным наследником Яо, согласно мифу, избрав его, правитель выдал за Шуня замуж двух своих дочерей, чтобы они постоянно надзирали за его нравственным поведением. Конфуцианская историография включила их в общую хронологию китайской истории.

⁴⁰ Легендарный автор “*Дао-дэ цзин*”, в современной синологии его историчность представляется крайне сомнительной.

⁴¹ Легендарный первопредок китайцев и основатель даосизма, первый из пяти правителей первоначальной древности. В историографию его включил Сыма Цянь в I в. до н.э., сообщая, что он был основателем первого китайского государства около 2600 г. до н.э.

⁴² Собственное имя Мо Ди (около 470 – 391 гг. до н.э.) – создатель философии и идеологии моизма, составлявшей мощнейшую конкуренцию конфуцианству вплоть до II в. до н.э.

⁴³ Один из культурных героев, усмиритель всемирного потопа и основатель первой китайской династии Ся (2205–1766 гг. до н.э.).

⁴⁴ Философ IV в. до н.э., социальный утопист, основатель учения аграриев (*нун цзя*), взгляды которого известны лишь в общих чертах – он общался с Мэн-цзы (вторым по авторитетности после Конфуция деятелем древнего конфуцианства).

⁴⁵ Один из важнейших культурных героев, покровитель земледелия и медицины.

⁴⁶ Ярчайший представитель Чанчжоуской школы, создавший своё учение для политической борьбы со всемогущим временщиком Хэ-шэнем.

⁴⁷ Древнейший китайский термин для христианства (“светлое учение”), используемый примерно с VII в.

⁴⁸ Иероглиф имеет значение “сверстники, компаньоны”.

⁴⁹ В оригинале здесь и далее везде “он”.

⁵⁰ *Си сюэ пай* – в языке времени Лян Ци-чао это и “западники”.

⁵¹ *Чуан цзяо*.

⁵² “Исследование подложных канонов Синьского учения” и “Исследование учения Конфуция об изменении правления”.

⁵³ Цитата усечена Лян Ци-чао.

⁵⁴ *Миньчжичжэуи* – этим термином пользовался и Сунь Ят-сен.

⁵⁵ *Гоцзилянхэчжэуи.*

⁵⁶ *Эртунгуньюйчжэуи.*

⁵⁷ *Лаобинбаосянчжэуи.*

⁵⁸ *Гунчаньчжэуи.*

⁵⁹ *Лаоцзошэньшэнчжэуи.*

⁶⁰ *Тайцзяо* – якобы существовавшая при дворе древнейших китайских монархов – культурных героев система воспитания плода в утробе матери (соблюдение беременной женщиной осмотрительности в мыслях, речах и поступках, якобы содействующая рождению хорошего ребенка).

⁶¹ После реформы образования в императорском Китае, термин означал подготовительную школу для детей от трех до семи лет.

⁶² Сочетание *суиэ* в современном языке означает “общезитие”.

⁶³ Дословно “Пять палат”. Значение этого сочетания радикально изменится в 1930-е гг. – после введения в действие гоминьдановской “Конституции пяти властей”.

⁶⁴ В современных изданиях – около 150 тыс. иероглифов.

⁶⁵ Дословно “пропагандировать” (*сюань чуань*).

⁶⁶ Это следует понимать так, что Кан Ю-вэй считал реализацию своего идеала законом природы, и потому препятствовал преждевременной его реализации.

⁶⁷ См. “Автобиографию” Кан Ю-вэя. В действительности учёных было не более 1200 человек.

Перевод с китайского и примечания Д.Е. Мартынова